

DOI: 10.31857/S086919080017641-2

К ВОПРОСУ О ТОРГОВЛЕ РОССИЙСКОЙ ТЕКСТИЛЬНОЙ ПРОДУКЦИЕЙ
В КИТАЕ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ.

© 2021

И.Р. ХАМЗИН ^a^a – Уральский федеральный университет, Екатеринбург, Россия
ORCID: 0000-0002-4967-0705; ildar.hamzin1991@mail.ru

Резюме: В статье поднят вопрос о торговле российским текстилем на территории империи Цин в течение второй половины XIX – начала XX вв. Русские шерстяные и хлопчатобумажные ткани на протяжении данного периода являлись главным товаром в российском экспорте в Китай, но в то же время значительно уступали сбыту текстиля из других стран на китайском рынке. Проблема торговли русскими тканями хорошо демонстрирует общий дефицитный характер торговых отношений России с Китаем, когда при огромном импорте чая, отечественный экспорт был незначительным. В данной статье автор рассматривает развитие экспорта российского текстиля в Китай начиная с эпохи монополии Кяхты в русско-китайской торговле (середина XIX в.) до ввода в эксплуатацию КВЖД и Транссиба в начале XX в. Дореволюционный статистический материал позволил наглядно показать динамику товарооборота, отражающую расхождение между ввозом и вывозом товара. На примере русской торговли в различных регионах Китая изучены причины сокращения сбыта. Интересно, что при более высоком качестве русские сукна и хлопчатобумажные ткани проигрывали конкуренцию иностранному текстилю на китайском рынке. Причины неудач торговли крылись в высокой цене русского товара, а также в его непригодности для вкуса китайского потребителя. Высокая цена диктовалась в основном необходимостью долгого и затратного транзита от места изготовления тканей в России до Китая. Свою роль сыграл также уровень развития российских фабрик, не позволявший снизить затраты на производство тканей. К этому добавлялась незаинтересованность русских торговых кругов в продаже товара в империи Цин. В начале XX в., когда изменилась внутренняя и внешняя экономическая характеристика Китая, развитие российского экспорта стало малоперспективным в сравнении с концессионной политикой на китайской территории. Основой для проведения исследования стали дореволюционные работы и материалы центральных архивов России.

Ключевые слова: русско-китайская торговля, российский текстиль, российский экспорт.

Для цитирования: Хамзин И.Р. К вопросу о торговле российской текстильной продукцией в Китае во второй половине XIX – начале XX вв. *Восток (Oriens)*. 2021. № 6. С. 179–190. DOI: 10.31857/S086919080017641-2

ON THE ISSUE OF RUSSIAN TEXTILE PRODUCTS TRADE IN CHINA
IN THE SECOND HALF OF THE 19TH – EARLY 20TH CENTURIES

© 2021

Ildar R. HAMZIN ^a^a – Ural Federal University, Yekaterinburg, Russia
ORCID: 0000-0002-4967-0705; ildar.hamzin1991@mail.ru

Abstract: The article considers the issue of trade in Russian textiles on the territory of the Qing Empire during the second half of the 19th – early 20th century. Russian textiles were the main products in Russian exports to China during this period, but at the same time, they were significantly inferior to the sale of textiles from other countries on the Chinese market. This problem shows the general deficit of Russian trade in China. The reasons for the decline in sales are studied using the example of Russian trade in various regions of China. Surprisingly, with their higher quality, Russian cloth and cotton fabrics lost competition to foreign textiles in the Chinese market. The reasons for the failure of trade were high prices of the Russian products, as well as their unsuitability for the taste of Chinese consumers. The high price was dictated mainly by the need for a long and expensive transit from Russia to China. In the same time, the level of development of Russian factories didn't allow to reduce the cost of fabric production. It was added to the disinterest of Russian trade circles in the Chinese market, unwillingness to interest Chinese buyers in their products. At the beginning of the 20th century when the internal and external economic characteristics of China changed, the development of Russian exports became unpromising in comparison with the concession policy on Chinese territory. The basis for the research were largely pre-revolutionary works and materials of the Central archives of Russia.

Keywords: Russian-Chinese trade, Russian textiles, Russian exports.

For citation: Hamzin I.R. On the Issue of Russian Textile Products Trade in China in the Second Half of the 19th – 20th Centuries. *Vostok (Oriens)*. 2021. No. 6. Pp. 179–190. DOI: 10.31857/S086919080017641-2

Вопрос о сбыте российских товаров на территорию империи Цин во второй половине XIX – начале XX вв. являлся одним из наиболее острых в истории русско-китайской торговли этого времени. Это закономерно. Китай в рассматриваемый период стал одним из главных государств экспортеров в Россию, занимая 3–4-е место в общей статистике после Англии, Германии и США [*Обзор внешней торговли России*, 1901, с. 47]. В то же время русский вывоз в Китай оставался крайне низким, в конце XIX в. в 7 раз уступая ввозу [Васильев, 1899, с. 27]. Дефицит русской торговли стал причиной огромного оттока золота и серебра, на которое покупался китайский товар, тем самым сделав торговлю с Китаем крайне убыточной для России [Сладковский, 1974, с. 265].

В данном исследовании акцент сделан на проблему сбыта российского текстиля в Китай. Так называемая «русская мануфактура» – шерстяные и хлопчатобумажные ткани, во второй половине XIX в. экспортировалась преимущественно в страны Средней Азии [Рожкова, 1963], тогда как китайский рынок в это время практически теряет значимость для промышленности России. Таким образом, перед статьей поставлены задачи изучить основные тенденции торговли российским текстилем в Китае, выявить характерные особенности этого процесса и определить причины продолжительных неудач русской торговли на территории империи Цин.

Изучение российской торговли с Китаем правильно будет начать с истории Кяхты – торговой слободы расположенной на границах Восточной Сибири и цинской Монголии. В середине XIX в. Кяхта стала главным рынком сбыта тканей российского производства: в 40–50-е гг. XIX в. на торговлю с Китаем приходилось до 90 % экспорта российского сукна, и до 50,8 % сбыта хлопчатобумажных изделий [Единархова, 2015, с. 66–69]. По подсчетам М.К. Рожковой доля экспорта в Китай среди азиатских стран варьировалась от 61,1 % до 69,9 % в течение 40–50-х гг. XIX в. [Рожкова, 1963, с. 49]. Большую часть этой торговли составляла текстильная продукция – как отмечали источники: «Кяхтинская торговля име-

ла совершенно особый характер, отличный в то время от других отраслей заграничной торговли. Здесь Россия по вывозу была мануфактурным государством» [РГИА, ф. 350, оп. 13, д. 708, л. 9].

Таблица 1

Российский экспорт в Китай в 40-х гг. XIX в., руб.

Год	Ткани	Пушнина	Другие товары	Всего
1844	4 158 086	1 482 738	214 231	5 855 055
1845	4 714 563	1 906 841	189 834	6 811 238
1846	5 295 679	1 524 520	192 961	7 013 160
1847	4 776 875	1 833 102	190 589	6 800 566
1848	3 798 932	1 341 649	209 337	5 349 918
1849	3 992 769	1 047 078	125 187	5 095 034

Источник: [РГИА, ф. 1152, оп. 5, д. 215 а, л. 268].

Однако, несмотря на кажущийся успех русской торговли в 1840-е гг. российский экспорт в Кяхте стал носить подчиненный китайскому импорту характер [Хохлов, 1982; Тагаров, 2015]. В условиях меновой торговли кяхтинские купцы были заинтересованы в том, чтобы приобрести в Кяхте китайский чай, который затем можно было с большой выгодой продать на ярмарке в Нижнем Новгороде. Задача выгодного сбыта собственного товара уходила на второй план, что привело к снижению оценочной стоимости русских тканей [НИОР РГБ, ф. 273, к. 5, ед. хр. 8, л. 20]. Поразительно, но «при составлении расценок на русские товары та партия купцов считала себя в выигрыше, чьи товары оценивались ниже», т.к. снижение стоимости позволяло раньше приобрести партии чая и быстрее сбыть их на нижегородской ярмарке, выиграв от перепродажи [НИОР РГБ, ф. 273, к. 5, ед. хр. 8, л. 20].

Следствием такой ситуации стало то, что в самом Китае русское сукно стоило дешевле, чем на месте его производства в Москве. В 1842 г. дипломат и путешественник Н.И. Любимов писал, что русские ткани на китайской ярмарке продаются по 180 руб. 60 коп. ассигнациями за половинку сукна¹, в то время как на месте покупки русскими купцами (в Москве) обходятся за 170 рублей, не считая затрат на доставку в Кяхту [Хохлов, 1982]. Убытки русских фабрик от дешевой перепродажи тканей в Китай доходили до 900 тыс. руб. серебром в год [Сычевский, 1957]. В конце 50-х гг. XIX в. при обсуждении будущего русско-китайской торговли был поднят актуальный вопрос: «В состоянии ли будет Правительство поддержать какой-либо род мануфактурной промышленности, когда произведения ее часто продаются, после сухопутного транспорта более 7 000 верст (т.е. в Китае – И.Х.), на 20 % дешевле, чем на самом месте производства?» [РГИА, ф. 1152, оп. 5, д. 215а, л. 255 об.].

Серьезной угрозой для кяхтинской торговли стало открытие Китая в ходе Первой Опиумной войны (1840–1842), что привело к росту иностранной конкуренции на китайском рынке. В 1843 г. в Санкт-Петербурге было даже созвано Особое совещание с участием

¹ Половинка сукна – распространенная в дореволюционной России количественная мера шерстяных изделий (1 половинка = 25 аршин).

представителей кяхтинского купечества с целью определить возможные последствия открытия Китая для русско-китайской торговли. Купцы на тот момент утешили представителей власти доводами о том, что китайцы слишком хорошо привыкли к российским сукнам и мехам и будущему Кяхты поэтому ничего не грозит [РГА ВМФ, ф. 410, оп. 1, д. 1558, л. 1–8]. Однако меры для поддержания русского сбыта все же были приняты.

Так, в 1845 г. в Кяхте были введены премии за отпуск фабричных изделий в Китай [Корсаков, 1857, с. 167]. Данная мера хорошо демонстрирует, что русский сбыт испытывал в это время серьезные проблемы. Однако она лишь отсрочила неизбежное. В 1854 г. кяхтинский градоначальник Н.Р. Ребиндер будет писать о необходимости разрешить в Кяхте обмен на запрещенные до этого золотые и серебряные изделия, чтобы обеспечить стабильность торговли [РГИА, ф. 796, оп. 448, д. 59, л. 67 об. – 68 об.]. Это предложение было одобрено, а в следующем 1855 г. в Кяхте было разрешено приобретать китайский товар на золотую и серебряную монету.

В данном случае реформирование кяхтинской торговли свидетельствует о том, что российские товары уже не были способны удерживать в Кяхте китайское купечество, которое в условиях финансового кризиса Цинской империи, было заинтересовано в обмене партий чая на русские деньги, а не ткани [РГИА, ф. 796, оп. 448, д. 59, л. 67 об.]. Но можно ли было предположить, что введение товарно-денежных отношений в русско-китайской торговле чуть более, чем через десятилетие, обеспечит колоссальный разрыв между экспортом и импортом?

К началу 60-х гг. XIX в. в результате подписания ряда русско-китайских договоров², русские фабриканты и торговцы получили возможность продавать свои товары как в периферийные регионы империи Цин (Синьцзян, Монголию, Маньчжурию), так и в открытые для иностранной торговли китайские порты. В совокупности данные меры должны были обеспечить развитие русского сбыта на китайском рынке, но по факту в последующие годы мы наблюдаем прямо противоположные результаты:

График 1

Динамика ввоза и вывоза товаров в русско-китайской торговле

На основе данных: [Покровский, 1909, с. 11].

² Кульджинский договор 1851 г., Айгуньский договор 1858 г., Тяньцзиньский договор 1858 г., Пекинский договор 1860 г. [Русско-китайские отношения, 1958].

На представленном графике видно, что начиная с середины 1860-х гг. линия ввоза китайского товара (более чем на 90 % состоящего из чая) направляется вверх, достигнув в 1899 г. отметки 45 945 000 руб., тогда как русский вывоз падает (к 1889 г. – 1 343 000 руб.), и только с начала 1890-х гг. можно видеть улучшение ситуации российской торговли (к 1899 г. – 6 702 000 руб.) [Покровский, 1909, с. 11].

Такая динамика коррелируется с развитием сбыта российской текстильной продукции в Китай в это же время:

График 2

Динамика сбыта русского сукна и хлопчатобумажных тканей в Китай

На основе данных: [Покровский, 1909, с. 15–16].

График 2 показывает, что торговля русским сукном превышала сбыт хлопчатобумажных изделий вплоть до конца 1870-х гг. Затем сбыт шерстяных тканей падает. С 1889 г. продажи сукна опустились ниже продажи юфти и меха, которые превышали с начала 1820-х гг. [Обзор внешней торговли России, 1890]. Между тем, с 1890-х гг. можно увидеть резкий рост торговли хлопчатобумажными изделиями, которые с этого времени составили главную статью вывоза в Китай (см. график 2). Однако этот прирост не смог изменить баланс товарооборота. Но что являлось причиной такого крайне низкого уровня развития русской торговли?

После экономического открытия Китая русская торговля повсеместно на территории империи Цин сталкивалась с трудностями сбыта товара. Так, в Монголии проблема долгое время была связана с запретом вести здесь оптовую торговлю и иметь собственные склады для товаров [НИОР РГБ, ф. 273, к. 14, ед. хр. 1, л. 221–232 об.]. В то же время торговля России в Маньчжурии вплоть до начала XX в. была совершенно незначительной (русский вывоз составлял 1 % от китайского ввоза), ввиду отсутствия удобных путей сообщения [Дацышен, 2014, с. 151].

Хорошим примером трудностей русского сбыта может служить торговля в открытых портах Китая, главным из которых для России являлся Ханькоу. Данный порт, расположенный в долине реки Янцзы, благодаря обосновавшимся здесь в начале 1860-х гг. русским торговым домам стал главным экспортером китайского чая в Россию [Субботин, 1892, с. 308–318]. Казалось бы, у русских торговцев ведущих свои дела в Ханькоу имелись все

шансы организовать торговлю российским товаром, однако в конце 60-х – 70-х гг. XIX в. сбыт русского текстиля здесь неуклонно сокращался:

Таблица 2
Продажи русского сукна в Ханькоу

Год	Количество (половинок)
1867	4 162
1868	5 780
1869	5 290
1870	5 613
1871	4 437
1872	2 812
1873	1 731
1874	1 199
1875	1 191
1876	968
1877	249
1878	100

Источник: [НИОР РГБ, ф. 273, к. 14, ед. хр. 3, л. 193]

Основным российским товаром, продаваемым в Ханькоу, было сукно московских фабрик Бабкина и Тюляева. Источники не устают сообщать о высоком качестве русских шерстяных тканей [НИОР РГБ, ф. 273, к. 13, ед. хр. 25, л. 90], и тем разительнее выглядит сокращение сбыта сукна с 5 780 половинок в 1868 г. до 100 половинок в 1878 г. (табл. 2). Сбыт же хлопчатобумажных изделий в Ханькоу был настолько мал, что по нему даже не приводилась статистика. В данном случае прослеживаются несколько причин упадка русской торговли.

Во-первых, отечественные производители при изготовлении тканей и одежды совершенно не учитывали вкусов китайского потребителя. Сукна и хлопчатобумажные изделия изготавливались неподходящего покроя или неприемлемых для китайцев расцветок [Коростовец, 1898, с. 264]. Как сообщал русский консул в Ханькоу П.А. Дмитриевский, «окраска (тканей – И.Х.) была сделана в такие цвета, что, если бы китаец решился надеть платье из такой материи, то он или сделался посмешищем в глазах остальных, или же прямо подвергся наказанию за ношение платья цветов не присвоенных нечиновному классу» [АВПРИ, ф. 143, оп. 491, д. 396, л. 110 об.].

Во-вторых, на русском сбыте сильно сказывалась конкуренция других иностранцев, торгующих в Китае. Во второй половине XIX – начале XX вв. на рынке империи Цин продавались английские, немецкие, американские, китайские, японские и даже итальянские ткани [Китайские порты, 1895; Кротков, 1914; Крылов, 1898]. Иностраный товар стоил значительно дешевле российского, ввиду использования более эффективной морской доставки к китайским портам [Меркулов, 1903, с. 21]. Еще более обидным выглядит распространение с 1870-х гг. немецких подделок русского сукна. Немецкие производители делали сукно по внешнему виду похожее на ткани фабрик Бабкина и Тюляева, но худшего качества и продавали его под видом русского на китайском рынке [НИОР РГБ, ф. 273, к. 14, ед. хр. 3, л. 58].

В-третьих, цена российских товаров оказалась неприемлемой как для китайского потребителя, так и для производителя в России. Добротность отечественного сукна в разы превосходила добротность английского, но диктовала свою высокую цену, что в итоге отталкивало в большинстве своем бедных китайских покупателей [*НИОР РГБ*, ф. 273, к. 14, ед. хр. 3, л. 57 об.]. С другой стороны, высокие для китайского рынка цены, оказывались слишком низкими для отечественных производителей. В 1874 г. на страницах «Московских ведомостей» не без иронии будут отмечать, что «можно было с выгодой купить русские сукна в Китае, послать их кругосветным путем обратно в Россию и продать в Москве тем же чаоторговцам для новых операций в Китае» [*НИОР РГБ*, ф. 273, к. 5, ед. хр. 8, л. 20].

В 80–90-е гг. XIX в. единственным регионом Китая, где русская торговля текстильной продукцией протекала относительно успешно, была западная провинция Китая – Синьцзян. После подписания Санкт-Петербургского договора 1881 г., расширившего права русской торговли в Синьцзяне и Монголии, сбыт российской мануфактуры в западном Китае стал расти. Исследователи отмечали, что на Синьцзян приходилось 7% всего русского сбыта хлопчатобумажных тканей за рубеж, и до 73% от общего сбыта хлопчатобумажных изделий в Китай [Сладковский, 1974, с. 275]. Торговля успешно развивалась как с Илийским и Тарбагатайским краем (северная часть провинции), так и с Кашгарией (южная часть Синьцзяна) [Галиев, 2003, с. 139–148]. Неожиданным союзником русской торговли в Синьцзяне стал лиценз – внутренний цинский таможенный налог, который китайские купцы обязаны были платить, чтобы доставить иностранные ткани с восточного побережья Китая к его западным окраинам [Скальковский, 1883, с. 234]. Такие операции были дороги, поэтому русское купечество оказалось в западном Китае практически без конкурентов.

Однако, в начале 1890-х гг. в связи с отменой лицензия конкуренция со стороны английских, немецких и даже японских фабричных тканей возрастает в Синьцзяне [Коростовец, 1898, с. 283]. На рубеже XIX–XX вв. появляется и конкуренция с местным кустарным производством тканей, которые распространялись не только в самом Синьцзяне, но и активно продавались на рынках российского Алтая, Семиречья и Туркестана [Галиев, 2003, с. 144]. В начале XX в. русский сбыт хлопчатобумажных изделий будет по-прежнему высоким в Синьцзяне, но большого роста продаж уже не наблюдается.

На протяжении второй половины XIX в. можно увидеть различного рода предложения, в которых отразились взгляды современников на возможное изменение неблагоприятной ситуации в русско-китайской торговле. Например, было мнение снизить качество русской продукции для того, чтобы уменьшить на нее цену в Китае [*НИОР РГБ*, ф. 273, к. 13, ед. хр. 25, л. 92]. Такой подход не нашел поддержки со стороны русских фабрикантов, которые считали, что уровень развития фабрик в России не позволяет изменить разницу затрат на производство тканей [*НИОР РГБ*, ф. 273, к. 13, ед. хр. 25, л. 128]. Другой весьма распространенной идеей было создание фабрик на границах с Китаем, которые могли бы производить текстиль и отправляли бы его в Синьцзян, Монголию или Маньчжурию, существенно экономя на транспортных расходах [Васильев, 1899, с. 66; Крылов, 1898, с. 16; Куропаткин, 1879, с. 65; Меркулов, 1903, с. 26]. Это предложение упиралось в объективную достаточность российского рынка для отечественных фабрик, что не требовало активного поиска внешних рынков сбыта [Кротков, 1914, с. 34].

Самой же популярной идеей, которая в итоге находила отклик в Санкт-Петербурге, было создание новых направлений русско-китайской торговли. Новые, более эффективные, способы доставки товара могли сократить расходы, которых требовал транзит и одновременно укрепить влияние Российской империи на китайской территории.

В течение 70–80-х гг. XIX в. можно увидеть реализацию нескольких экспедиций в Китай, целью которых было найти регион, где русский товар пользовался бы спросом [Дацышен,

2014, с. 162–163]. Большое внимание в это время уделяли Ланьчжоу – столице провинции Ганьсу. В середине 1880-х гг. здесь были предприняты попытки организовать торговлю русскими тканями, но они оказались слишком дорогими ввиду расходов на доставку и не выдержали конкуренции с дешевыми английскими и немецкими сукнами, привозимыми из Южного Китая [АВПРИ, ф. 143, оп. 491, д. 396, л. 21–22]. Консул П.А. Дмитриевский считал даже, что доставка товара обойдется дешевле, если везти его морем из Одессы до Ханькоу и далее до Ланьчжоу [АВПРИ, ф. 143, оп. 491, д. 396, л. 35].

Впрочем, морской транзит тоже себя не оправдал. Когда в начале 1870-х гг. Русское общество пароходства и торговли открыло китайскую линию, был установлен фрахт на перевозку товара из России в китайские порты в размере 6,16 фунтов стерлингов до Шанхая и 7 фунтов стерлингов до Ханькоу (с тонны в 40 кубических футов³) [РГИА, ф. 107, оп. 1, д. 387, л. 15]. Это было слишком дорого для русских купцов, которые просили дирекцию РОПиТ снизить фрахт до 3–4 фунтов стерлингов, но ставки фрахта так и не были уменьшены [РГИА, ф. 107, оп. 1, д. 387, л. 60]. В начале XX в. С.Д. Меркулов писал, что доставка мануфактуры от Одессы до китайских портов обходится в 2 ½ раза дороже чем из Германии [Меркулов, 1903, с. 21]. В итоге, отечественное пароходство, занятое в морской русско-китайской торговле (РОПиТ, Добровольный флот), так и не внесло вклад в развитие русского сбыта в Китае.

В конце XIX в. наибольшие надежды современники возлагали на Транссибирскую магистраль, способную быстро и эффективно доставить товар на китайский рынок, решив тем самым проблемы логистических расходов и скорости обращения капитала предыдущего периода [Китайские порты, 1895, с. 139]. Логичным продолжением Транссиба стала Китайская-восточная железная дорога (КВЖД) и ее южно-маньчжурская ветвь (ЮМЖД), ведущая в арендованный у Китая порт Дальний (1898). Новая инфраструктура должна была обеспечить «мирное», т. е. экономическое, завоевание Маньчжурии, посредством сбыта в северо-восточный Китай русских товаров [Романов, 1928].

Но, как известно, идея экономического господства в Маньчжурии рухнула после поражения России в войне с Японией (1904–1905). Тем не менее, у Российской империи все еще оставалась КВЖД, связанная с Владивостоком, что предоставляло возможность улучшить торговлю с Китаем. Отчасти это и происходит – в начале XX в. мы наблюдаем рост русского сбыта на китайский рынок:

Таблица 3
Торговля российским текстилем в Китае в начале XX века

Ткани	1901	1902	1903	1904	1905	1906	1907
Хлопчатобумажные	4 499 096	6 402 995	7 295 498	5 293 758	7 110 920	10 752 171	8 599 685
Шерстяные	69 629	47 989	157 967	161 114	95 223	208 314	204 438

Источник: [Статистические сведения о торговле России с Китаем, 1908, с. 5]

Благодаря развитию железнодорожной инфраструктуры на Дальнем Востоке изменяется региональный характер российской торговли в Китае. В начале XX в. основная доля

³ 1 фрахтовая тонна = 40 ft³ = 1,12 м³.

российского экспорта приходится на торговлю Владивостока (около 56%), хотя сбыт текстиля здесь был небольшой [Сладковский, 1974, с. 310–312]. После русско-японской войны (1904–1905) активно развивается вывоз русского текстиля в Маньчжурию, ранее практически не игравшей роли в экспорте из России [Кротков, 1914, с. 58]. Большое значение по-прежнему остается у рынка Синьцзяна (вывезено хлопчатобумажных изделий на 5 681,3 тыс. руб. в 1908 г.), тогда как «вывоз по восточно-китайской границе», подразумевавший в большей степени Кяхту, существенно ему уступает (вывезено хлопчатобумажных изделий на 1 427,3 тыс. руб. в 1908 г.) [Покровский, 1909, с. 19].

Хлопчатобумажные ткани остаются главной статьей в структуре российского экспорта (50–70 % всего сбыта до 1914 г.), притом что заметно увеличивается вывоз других товаров – табака, хлеба, соли, металлических изделий и др. [Сладковский, 1974, с. 310; Покровский, 1909, с. 19–20]. Однако, несмотря на общее улучшение экспорта, в начале XX в. продолжает сохраняться острый дефицит российской торговли с Китаем: в 1908 г. вывоз из России составил 23 285,0 тыс. руб., ввоз из Китая – 93 344,0 тыс. руб.; в 1914 г. – 28 765,0 тыс. руб. и 89 558,0 тыс. руб. соответственно [Сладковский, 1974, с. 337]. Таким образом, Российская империя так и не смогла добиться баланса в торговле с империей Цин.

Подведем итоги. Во второй половине XIX в. текстиль являлся главным товаром в структуре российского экспорта в Китай. Долгое время среди вывозимых на китайский рынок тканей первое место принадлежало сукну, но начиная с 1870-х гг. сбыт шерстяных изделий в Китай начинает сокращаться, а их место занимают хлопчатобумажные ткани. В это же время текстиль был главным иностранным товаром, ввозимым в Китай (после опиума) [Коростовец, 1898, с. 231], однако доля Россия в конце XIX в. едва доходила до 1,5 % от общего экспорта тканей [Васильев, 1899, с. 27]. Среди причин, которые мешали российской торговле, стоит выделить высокий уровень конкуренции других стран, инертность русских торговых кругов в развитии сбыта отечественных товаров, дороговизну российского текстиля, продиктованную дорогим производством и высокими расходами на транзит.

Проблема доставки российского товара на китайский рынок была относительно успешно решена после начала эксплуатации транзитного потенциала Транссиба и КВЖД. Однако даже железная дорога на территории Маньчжурии не исправила дефицитного характера российской торговли с Китаем. Помимо общих просчетов, связанных с КВЖД и планами на маньчжурский рынок [Меркулов, 1903; Дацышен, 2014, с. 488], в данном случае необходимо иметь в виду более широкие экономические тенденции восточноазиатского региона в рассматриваемый период.

Во-первых, на рубеже XIX – XX вв. происходит активное развитие национальных фабрик Китая [Непомнин, 1980, с. 162]. Товары местной мануфактуры успешно конкурировали с иностранным текстилем, вытеснив российский товар на периферийные регионы империи Цин, где он также сталкивался с конкуренцией [Кротков, 1914].

Во-вторых, в конце XIX в. наблюдается кардинальная смена экономического курса ведущих держав Запада относительно Китая. В это время вывоз капитала в страны Азии стал преобладать над вывозом товаров [Гобсон, 1927; Непомнин, 1980]. Ведущие торговые дома Британии и США в последней четверти XIX в. полностью перестроились на инвестирование в различные отрасли цинской экономики, либо на поиск концессий на китайской территории [Meuer, 2003, p. 103]. Российская империя, в целом, старалась догнать названные «тренды» экономической политики, что отразилось в приобретении железнодорожных и прочих концессий на территории империи Цин.

В итоге, названные экономические изменения начала XX в. сделали развитие российского экспорта в Китай малоперспективным направлением русско-китайских отношений. Российская торговля в Китае к этому времени исчерпала свой потенциал.

АРХИВЫ / ARCHIVES

АВПРИ – Архив внешней политики Российской империи [*AVPRI* – Archive of the Foreign Policy of the Russian Empire].

НИОР РГБ – Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки [*NIOR RGB* – Scientific Research Department of Manuscripts of the Russian State Library].

РГА ВМФ – Российский государственный архив военно-морского флота [*RGA VMF* – Russian State Archive of the Navy].

РГИА – Российский государственный исторический архив [*RGIA* – Russian State Historical Archive].

АВПРИ, ф. 143, оп. 491, д. 396, л. 21–22.

АВПРИ, ф. 143, оп. 491, д. 396, л. 35.

АВПРИ, ф. 143, оп. 491, д. 396, л. 110 об.

НИОР РГБ, ф. 273, к. 5, ед. хр. 8, л. 20.

НИОР РГБ, ф. 273, к. 13, ед. хр. 25, л. 90.

НИОР РГБ, ф. 273, к. 13, ед. хр. 25, л. 92.

НИОР РГБ, ф. 273, к. 13, ед. хр. 25, л. 128.

НИОР РГБ, ф. 273, к. 14, ед. хр. 1, л. 221–232 об.

НИОР РГБ, ф. 273, к. 14, ед. хр. 3, л. 57 об.

НИОР РГБ, ф. 273, к. 14, ед. хр. 3, л. 58.

НИОР РГБ, ф. 273, к. 14, ед. хр. 3, л. 193.

РГА ВМФ, ф. 410, оп. 1, д. 1558, л. 1–8.

РГИА, ф. 107, оп. 1, д. 387, л. 15.

РГИА, ф. 107, оп. 1, д. 387, л. 60.

РГИА, ф. 350, оп. 13, д. 708, л. 9.

РГИА, ф. 796, оп. 448, д. 59, л. 67 об.

РГИА, ф. 796, оп. 448, д. 59, л. 67 об. – 68 об.

РГИА, ф. 1152, оп. 5, д. 215а, л. 255 об.

РГИА, ф. 1152, оп. 5, д. 215а, л. 268.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Васильев М.Н. *Торговля с Китаем*. Томск: Паровая типо-лит. П.И. Макушина, 1899 [Vasiliev M.N. *Trade with China*. Tomsk: Steam typography of P.I. Makushin, 1899 (in Russian)].

Галиев В.В. *Казахстан в системе российско-китайских торгово-экономических отношений в Синьцзяне (конец XIX – начало XX вв.)*. Алматы: Институт истории и этнологии им. Ч. Валиханова, 2003 [Galiev V.V. *Kazakhstan in the System of Russian-Chinese Trade and Economic Relations in Xinjiang (Late 19th – Early 20th Centuries)*. Almaty: CH. Valikhanov Institute of history and Ethnology Publ., 2003 (in Russian)].

Гобсон Дж. *Империализм*. Ленинград: Прибой, 1927 [Hobson J. *Imperialism*. Leningrad: Priboi, 1927 (Russian translation)].

Дацышен В.Г. *История российско-китайских отношений в конце XIX – начале XX вв.* М.: Директ-Медиа, 2014 [Datsyshen V.G. *History of Russian-Chinese Relations in the Late 19th – Early 20th Centuries*. Moscow: Direct-Media, 2014 (in Russian)].

Единархова Н.Е. *Кяхта и кяхтинская торговля (40–60-е гг. XIX в.)*. Иркутск: Оттиск, 2015 [Edinarkhova N.E. *Kyakhta and Trade in Kyakhta (40–60-ies of the 19th century)*. Irkutsk: Ottisk, 2015 (in Russian)].

Китайские порты, имеющие значение для русской торговли на Дальнем Востоке. Ч. 1: Текст. Сост. Д.Д. Покотиловым. Санкт-Петербург: М-во финансов, 1895 [*Chinese Ports That are Important*

for Russian Trade in the Far East. Part 1: Text. Comp. By D.D. Pokotilov. Saint Petersburg: Department of Finance, 1895 (in Russian)].

Коростовец И.Я. *Китайцы и их цивилизация*: С прил. карты Китая, Японии и Кореи. Санкт-Петербург: Н. Аскарханов, 1898 [Korostovets I.Y. *The Chinese and Their Civilization: from the Map of China, Japan and Korea*. Saint Petersburg: Askarkhanov, 1898 (in Russian)].

Корсак А.К. *Историко-статистическое обозрение торговых отношений России с Китаем*. Казань: И. Дубровин, 1857 [Korsak A.K. *Historical and Statistical Review of Trade Relations between Russia and China*. Kazan: I. Dubrovin, 1857 (in Russia)].

Кротков Н.Н. *Русская мануфактура и ее конкуренты на китайском рынке*. Санкт-Петербург: Тип. В.О. Киришаума, 1914 [Krotkov N.N. *Russian Manufactory and Its Competitors in the Chinese Market*. Saint Petersburg: V.O. Kirshbaum Type, 1914 (in Russian)].

Крылов Н.А. *Торговая конкуренция в Восточном Китае*. Санкт-Петербург: Тип. инж. Г.А. Бернштейна, 1898 [Krylov N.A. *Trade Competition in Eastern China*. Saint Petersburg: Typography of G.A. Bernstein, 1898 (in Russian)].

Куропаткин А.Н. *Кашигария. Историко-географический очерк страны, ее военная сила, промышленность и торговля*. Санкт-Петербург: Типография В.С. Балышева, 1979 [Kuropatkin A.N. *Kashgaria. Historical and Geographical Sketch of the Country, Its Military Power, Industry and Trade*. Saint Petersburg: Typography of V.S. Balyshev, 1979 (in Russian)].

Меркулов С.Д. *Возможные судьбы русской торговли на Дальнем Востоке*. Санкт-Петербург: Тип. инж. Г.А. Бернштейна, 1903 [Merkulov S.D. *Possible Fates of the Russian Trade in the Far East*. Saint Petersburg: Typography of G.A. Bernshteyn, 1903 (In Russian)].

Непомнин О.Е. *Социально-экономическая история Китая, 1894–1914*. Москва: Наука, 1980 [Nepomnin O.E. *Socio-economic History of China, 1894–1914*. Moscow: Nauka, 1980 (in Russia)].

Обзор внешней торговли России по европейской и азиатской границе за 1899 год. Санкт-Петербург: Тип. В. Киришаума, 1901 [Review of Russia's Foreign Trade along the European and Asian Borders for 1899. Saint Petersburg: Typography of V. Kirshbaum, 1901 (in Russian)].

Обзор внешней торговли России по европейской и азиатской границе за 1889 год. Санкт-Петербург: Тип. В. Киришаума, 1890. [Review of Russia's Foreign Trade along the European and Asian Borders for 1889. Saint Petersburg: Typography of V. Kirshbaum, 1890 (in Russian)].

Покровский В.П. *Статистические сведения о торговле России с Китаем*. Санкт-Петербург: Типо-лит. М.П. Фроловой, 1909 [Pokrovsky V.P. *Statistical Data on Trade between Russia and China*. Saint Petersburg: Typography of M. P. Frolova, 1909 (in Russian)].

Рожкова М.К. *Экономические связи России со Средней Азией. 40–60-е гг. XIX в.* Москва: Изд-во Акад. наук СССР, 1963 [Rozhkova M.K. *Economic Relations between Russia and Central Asia. 40–60-ies of the 19th century*. Moscow: Publishing house of The Academy of Sciences of the USSR, 1963 (in Russian)].

Романов Б.А. *Россия в Маньчжурии (1892–1906)*. Ленинград: Изд. Ленингр. вост. ин-та им. А.С. Енукидзе, 1928 [Romanov B.A. *Russia in Manchuria (1892–1906)*. Leningrad: Leningrad Oriental Institute named after A.S. Enukidze Publ., 1928 (in Russian)].

Русско-китайские отношения. 1689–1916: официальные документы. П.Е. Скачков, В.С. Мясников. Москва: Изд-во вост. литературы, 1958 [Russian-Chinese Relations. 1689–1916: Official Documents. P.E. Skachkov, V.S. Myasnikov. Moscow: Vostochnaia literatura, 1958 (in Russian)].

Скалковский К.А. *Русская торговля в Тихом океане: экономическое исследование русской торговли и мореходства в Приморской области, Восточной Сибири, Кореи, Китая, Японии и Калифорнии*. Санкт-Петербург: Тип. А.С. Суворина, 1883 [Skalkovsky K.A. *Russian Trade in the Pacific Ocean: An Economic Study of Russian Trade and Navigation in the Primorye Region, Eastern Siberia, Korea, China, Japan and California*. Saint Petersburg: Tipografiia of A. Suvorina, 1883 (in Russian)].

Сладковский М.И. *История торгово-экономических отношений народов России с Китаем (до 1917 г.)*. Москва: Наука, 1974 [Sladkovsky M.I. *History of Trade and Economic Relations between the Peoples of Russia and China (before 1917)*. Moscow: Nauka, 1974 (in Russian)].

Статистические сведения о торговле России с Китаем и по отдельным восточноазиатским границам за 1901–1907 гг. Москва: Тип. П.П. Рябушинского, 1908 [Statistical Data on Russia's Trade with China and on Certain East Asian Borders for 1901–1907. Moscow: Typography of P.P. Ryabushinsky, 1908 (in Russian)].

Субботин А.П. *Чай и чайная торговля в России и других государствах: производство, потребление и распределение чая*. Санкт-Петербург: А.Г. Кузнецов, 1892 [Subbotin A.P. *Tea and Tea Trade in Russia and other States: Production, Consumption and Distribution of Tea*. Saint Petersburg: A.G. Kuznetsov, 1892 (in Russian)].

Сычевский Е.П. Динамика русско-китайской торговли в конце 50–60-х гг. XIX века. *Учен. зап. Благовещ. гос. пед. ин-та им. М.И. Калинина*. 1957. Т. VIII. С. 49–75 [Sychevsky E.P. Dynamics of Russian-Chinese Trade in the Late 50–60s of the 19th Century. *Proceedings of the Blagoveshchensk State Pedagogical Institute Named after M.I. Kalinin*. 1957. Vol. VIII. Pp. 49–75 (in Russian)].

Тагаров Ж.З. Монгольский транзит и русско-китайская кяхтинская торговля в конце XVII – начале XX вв. *Россия и Монголия в первой половине XX в.: концептуальные вопросы российско-монгольских отношений: сб. науч. тр.* Кн. 5. Улан-Батор; Иркутск: Изд-во БГУ, 2015. С. 183–199 [Tagarov Zh.Z. Mongolian Transit and Russian-Chinese Kyakhta Trade in the late 17th–early 20th Centuries. *Russia and Mongolia in the First Half of the 20th Century: Conceptual Issues of Russian-Mongolian Relations: Collection of Scientific Works*. Vol. 5. Ulaanbaatar – Irkutsk: BSU Publishing house, 2015. Pp. 183–199 (in Russian)].

Хохлов А.Н. Кяхтинская торговля и ее место в политике России и Китая (20-е годы XVIII в. – 50-е годы XIX в.). *Документы опровергают. Против фальсификации истории русско-китайских отношений*. М.: Мысль, 1982. С. 99–148 [Hohlov A.N. Kyakhta Trade and Its Place in the Politics of Russia and China (20s of the 18th Century – 50s of the 19th Century). *Documents Refute. Against Falsification of the History of Russian-Chinese Relations*. Moscow: Mysl, 1982. Pp. 99–148 (in Russian)].

Meyer D.R. *Hong-Kong as a Global Metropolis*. Cambridge: Cambridge University Press, 2000.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT AUTHOR

ХАМЗИН Ильдар Рашидович – кандидат исторических наук, младший научный сотрудник лаборатории естественнонаучных методов в гуманитарных исследованиях, Уральский федеральный университет, Екатеринбург, Россия.

Ildar R. HAMZIN, PhD (History), Junior Research Fellow of Laboratory of Natural Sciences Research in Humanities, Ural Federal University, Yekaterinburg, Russia.